

Е. ГЕРАСИМОВ

ГЕНЕРАЛ ДОВАТОР

1948

КОМОДОР ПЛАНИН

Е. ГЕРАСИМОВ

ГЕНЕРАЛ ДОВАТОР

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1943**

**ПО МАТЕРИАЛАМ КОМИССИИ
ПО СОСТАВЛЕНИЮ ХРОНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Редактор С. Андреев

**Подписано к печати 16/X 1943 г.
3/4 печ. л. (1,3 уч.-изд. л.). 37 800 зн.
в печ. л. Л69405. Тираж 51 000.
Заказ 1403. Цена 25 коп.**

**Ф-ка юн. книги изд-ва ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия». Москва,
ул.Фридриха Энгельса, 46.**

Казачи спорили, откуда родом их командир: с Дона, Кубани или Терека, а когда узнали, что Доватор вовсе и не станичник, что родился он в белорусском селе, на Витебщине, кто-то сказал:

— Ну, так что ж! Не по рождению, так по душе, а все-таки наш — казак!

И верно, по характеру Герой Советского Союза генерал-майор Лев Михайлович Доватор, сын белорусского крестьянина, был истинно казак — горячий, стремительный, безудержно смелый. Еще в юности, мечтая о воинской славе, Доватор говорил:

— Жизнь короткая, а слава долгая.

Он прослужил в кавалерии восемнадцать лет: был кладовщиком при штабе, химинструктором, командиром взвода, политруком эскадрона, комиссаром, начальником штаба полка, бригады, окончил академию имени Фрунзе, слыл способным штабным и политическим работником, но только война обнаружила его истинное призвание, его богатый воинский дар. Он был одним из тех, кто рожден для войны, чей талант расцветает только в сражениях.

Впервые на войне казаки встретились с Доватором в лесах, западнее города Белый. Здесь в начале августа 1941 года было сосредоточено в резерве несколько

недавно сформированных казачьих полков. Из этих полков создавалась отдельная кавалерийская группа (впоследствии корпус). Командующим группой был назначен Доватор, тогда еще полковник.

Небольшого роста, очень подвижной, он выделялся среди приехавших с ним штабных командиров юношеской свежестью лица и строевой молодцеватостью. Речь, жесты, движения — все было у него резкое, быстрое, запоминающееся. Разговаривая, он смотрел чуть искоса, вздернув плечо и склонив голову. Казалось, что он заметил какой-то непорядок и сейчас вспылит. Все невольно оглядывали себя.

Знакомство его с конниками началось с того, что он выгнал из штаба одного неряшливо одетого командира:

— Кругом марш! Приведите себя в порядок.

Пришел другой командир, назвал себя майором, а знаков различия у него не было.

— Откуда это видно, что вы майор? Где ваши знаки различия? И что вы за майор, если не дорожите честью носить майорские знаки различия?

— Воевать будем по-настоящему, — говорил он, знакомясь с казаками, — смерти не бояться. Она и дома за спиной ходит. Споткнешься о порог, и голову разобьешь. Помните, что один казак может навести панику на сто немцев.

Нашлись среди казаков и старые сослуживцы Доватора. Один узнал в полковнике своего бывшего командира взвода, с которым на Кубани, в лагерях под Майкопом, как-то пришлось долго выхаживать вместе заболевшую кобылу. Другой вспомнил Забайкалье, кавалерийское состязание в Даурии, заготовку саманных кирпичей для казарменных построек, тревоги в пограничных районах.

За восемнадцать лет службы в кавалерии, где только не побывал Доватор, чего только не научился делать!

— Знаете, как быстро оборвать провод? — спрашивает

командующий, объезжая эскадроны. Он поднимает с земли камень и привязывает его к концу веревки. Мгновение — и камень уже раскачивается в воздухе на накрепко замотанной вокруг телеграфного провода веревке. Доватор бросает коня вперед, веревка, привязанная другим концом к седлу, натягивается, как тетива, провод звенит и лопается.

— Ловко,—говорят казаки и пробуют сделать то же.

В первый же день командующий научил казаков многому, пригодившемуся им на войне. Показал, как делать рогатки, как разбрасывать их по дорогам, чтобы они прокалывали камеры немецких автомашин; велел металлические части уздечек обернуть тряпьем, чтобы не звенели; жеребцов приказал не брать в поход, чтобы они своим ржанием не выдали движения конницы.

Он требовал, чтобы все делалось быстро, и сам, несмотря на свой небольшой рост, ходил так, что его можно было догнать только бегом.

Конная группа готовилась к рейду в тыл врага. На подготовку было дано два дня, а Доватор приказал сделать столько вещей, столько разных мелочей, о которых раньше никто и не думал, что, казалось, и за месяц не управиться. Для перевозки станковых пулеметов он велел приготовить специальные выюки. Их никто не умел делать. «Сделать—изобрести», сказал Доватор. И казачьи бивуаки стали похожи на мастерские: все что-то строгали, сколачивали, изобретали.

Изобрели, показали. Командующему выюк не понравился:

— Тарахтит.

Показали другой. Тоже не понравился:

— Коня испортит.

Третий изобрели. Опять плох:

— Сборка канительная.

Наконец сделали то, что нужно было.

Готовясь к рейду, набивали патронами и сумки и кар-

маны, подвешивали к седлам целые гирлянды противотанковых гранат, запасались зажигательными бутылками, — командующий приказал выдать всего этого каждому бойцу столько, сколько он может взять.

К исходной позиции для прорыва фронта можно было двигаться дорогой. Но Доватор сказал, чтобы о дороге и не думали. Он повел свои полки лесной чащей, торфяными болотами.

Темной ночью 14 августа втянулись эскадроны в лес, и вскоре конникам пришлось спешиться, идти цепочками по чуть пробитым тропинкам. Темень была такая, что казак своего коня не видел; шли, держась одной рукой за повод, а другой — за хвост лошади впереди идущего товарища.

Доватор вел свою группу вдоль фронта. Немцы были в нескольких километрах; моторы немецких разведывательных самолетов непрерывно гудели над лесом, но советская конница прошла, не замеченная врагом. Доватор провел свои полки там, где раньше разве что охотник пробирался. Он шел впереди, то и дело оборачивался, смеясь спрашивал:

— Ну как, казаки?

И не привыкшие к лесу казаки весело шли за ним напролом: прорубали себе путь в чаще топорами и клинками, настилали гати через непроходимые топи.

— Вот и искупались, — шутил то один, то другой, вылезая из болота и вытаскивая из него провалившегося по брюхо коня.

После трехдневного марша под носом немцев конная группа, форсировав на плотях реку Межу, скрытно вышла на исходные позиции в район деревни Филино, на Духовщине. Доватор приступил к разведке боем на широком фронте. То тут, то там скрывавшиеся в лесах казаки насккивали на немцев, наводили панику, узнавали, что нужно, захватывали «языка» и снова исчезали в лесу.

Выбирая место для прорыва фронта, Доватор нацеливался спокойно, неторопливо.

Пять дней он собирал сведения.

Удар решено было нанести между деревнями Устье и Подвязые. Накануне атаки командирская разведка во главе с Доватором подобралась так близко к переднему краю обороны противника, что и невооруженным глазом видно было, что делается у немцев. Здесь занимали оборону части 6-й немецкой армии, той самой, которой предстояло позорно закончить свое существование под Сталинградом. Немцы разгуливали у блиндажей, как у себя дома, а в это время в нескольких стах метрах от них на опушке леса стояли две дивизии казаков, готовясь к удару.

Атака была назначена на 4 часа 30 минут 23 августа.

Утро выдалось очень туманное. Построив все свои расчеты на внезапности, Доватор приказал артиллерийской подготовки не производить. Он послал вперед два спешенных полка. В молочно-белой мгле бесшумно, как тени, казаки подобрались к немецким укреплениям и забросали их гранатами. Атака была совершенно неожиданной для врага. Первая линия укреплений между деревнями Устье и Подвязые была взята почти без выстрела. Немцы удирали в одних кальсонах.

Ворвавшись в деревню, казаки нашли здесь много висящих на плетнях автоматов. Немцы в панике забыли про них. Захватив эти автоматы, казаки продолжали преследование.

Вслед за спешенными полками двинулись остальные в конном строю. Доватор покинул свой командный пункт на опушке леса и сам повел казаков в бой. Бой разгорелся в глубине обороны и на флангах, куда немцы бросили группы танков, пытаясь сомкнуть разорванный уже фронт. Вместе с казаками командующий мчался карьером, вместе с ними, когда враг огрызался, спешивался,

делал перебежки, полз по-пластунски. Увлечшись боем, он подчас излишне рисковал собой. Когда ему говорили об этом, он отделялся шуткой:

— Я маленький, в меня пуля не попадет.

Подзадориваемые Доватором, казаки дрались с отчаянной дерзостью. Против эскадрона, прикрывавшего левый фланг, немцы бросили около десятка танков. Командир эскадрона, молодой кубанец, принял атаку в конном строю. «Буылки в руки, шашки к бою!» скомандовал он. Рванувшись на танки, казаки подожгли бутылками с горючей жидкостью четыре машины, остальные танки обратились в бегство.

— Где это видано, чтобы конь на танк ходил? — сказал Доватор, подскакав к командиру эскадрона.

По тону голоса это был выговор за лихачество, но по улыбке командующего видно было, что он не может сердиться на лихого кубанца.

— Положение такое, товарищ полковник. Они нас к речке прижали... — оправдывался командир эскадрона.

— Потери есть? — перебил Доватор.

— Ни одного.

— Тогда хорошо. Дерзко, но хорошо.

Фронт немцев был прорван на несколько километров в ширину. По приказу Доватора остававшиеся в лесу коноводы погнали коней вдогонку за спешенными полками.

— Давай, давай, орлы! — восторженно кричал Доватор, когда коноводы, стоя в стременах, лихо проносились мимо него.

Командующий залюбовался конями. Они мчались по зеленой луговине такой плотной золотисто-рыжей массой, что не видно было мельканья копыт.

Немецкая артиллерия открыла ураганный огонь, но было уже поздно: кони, проскочив открытую луговину, скрылись в лесу.

На другой день Доватор находился уже далеко, по ту сторону фронта. Его полки открыто, несколькими пехотными колоннами шли проселками и деревнями. Местность была опустошена врагом. Встречались виселицы и сожженные дома. Не раз, останавливая голову колонны у какого-нибудь придорожного дерева и показывая на повешенного колхозника, командующий говорил:

— Запомни это, казак! Все сердце вкладывай в руку, когда рубишь козявок.

«Козявками» он называл немцев, и слово это произносил с невыразимым презрением. Еще одно слово было у него, которым он называл немцев и которое произносил с таким же презрением, но оно относилось уже к мертвым.

— Закопать эту заразу, — говорил он колхозникам, показывая после боя на трупы немцев.

Других слов для немцев не находил: живые — козявки, мертвые — зараза.

Немцев точно ветром сдуло. Открытое смелое движение казачьих колонн породило у охваченного паникой противника превеличенное представление о численности прорвавшейся советской кавалерии. Захваченные казаками пленные показали, что ходит среди немцев страшный слух, будто прорвалось сто тысяч казаков, хотя командованием объявлено, что прорвалось всего семнадцать тысяч.

На самом деле у Доватора было всего несколько тысяч бойцов. Он потом часто смеялся:

— Я же говорил, что один казак наведет панику на сто немецких козявок. А вот прикажу всем казакам усы отпустить — еще страшнее будут.

И он несколько раз не то шутя, не то всерьез приказывал казакам отпустить усы.

Его спрашивали:

— А вы, товарищ полковник, что же сами не отпустите усы?

— Рыжие у меня, некрасивые, жена любить не будет,—говорил он, смеясь. — Будь черные, обязательно отпустил бы. Немец только увидит усы и кричит уже, как будто его режут: «Казакен!..» Боятся проклятые козявки казачьего уса.

Как только немцы, оправившиеся от первого испуга и убедившиеся, что они очень преувеличили численность советской кавалерии, стали стягивать силы, чтобы перехватить казаков на дороге, Доватор опять свернул в лес, далеко тянувшийся на север и запад.

— Попасемся на ягодах,—шутил он. — Полюбуюсь лесными видами, послушаем щебет птиц.

Для казаков, выросших на юге, в степях, все в этой труднопроходимой лесной и болотистой местности было новостью, а командующему все тут напоминало родной Лепельский уезд, те времена, когда он был вожакom сельских комсомольцев. И там такая же ель, сосна, осина, обросшая серебристым мхом вековая береза, такие же пушистые, податливые под ногой кочки, тот же прелый грибной запах. По этим лесам можно было добраться до самого Хотина, до тех заветных мест, где в детстве бродил он с самодельным ружьем, где несколько лет спустя с наганом в руке во главе отряда комсомольцев выслеживал кулацкую банду.

Теперь он вел с собой в родные леса конные полки, и враг метался, тщетно пытаясь преградить ему путь.

Немцы поджидали Доватора в тех местах, где он, по их расчетам, должен был пересечь дорогу, но он всегда выходил там, где его никак нельзя было ожидать.

Впереди шли партизаны, взятые Доватором в проводники. Одетые в крестьянскую одежду, они ходили с уздечками через плечо и будто бы разыскивали пропавших коней.

За ними двигались казаки, в затылок друг другу, в труднопроходимых местах ведя коней в поводу. Сквозь лесную чащу отряды шли параллельными путями.

Марши совершались ночью, в совершенной тишине. — разговаривать разрепалось только шопотом. Днем казаки неожиданно появлялись в разных местах небольшими группами.

Засады, залегшие у дороги, гранатами и зажигательными бутылками уничтожали обозы, автоколонны немцев.

Отряды казаков занимали деревни, перехватывали дороги, ведущие к фронту, прерывали по ним движение.

Эскадроны, отличавшиеся дерзостью, молодецкой ухалью. Доватор посылал в налеты на немецкие гарнизоны и штабы.

Днем, обычно в обеденные часы немцев, то в одной, то в другой деревне раздавался истошный вопль:

— Казакен!

Точно из-под земли выросшие, казаки мчались по улице, рубя направо и налево бегущих с котелками солдат. Приготовленный немецкими поварами обед подавался казакам. Пообедав, они исчезали так же стремительно, как и появлялись.

В один из лихих налетов казаки разгромили штаб немецкого полка. Было захвачено много трофеев и секретных документов, в числе их приказ немецкого командования, требующий немедленного уничтожения прорвавшейся в тыл группы Доватора. Приказ был датирован двадцать пятым августа, а двадцать шестого он уже лежал в кармане Доватора:

Фашистское командование назначило за голову Доватора крупную денежную награду. Для поимки его были созданы специальные отряды.

Как-то в штаб Доватора, находившийся в лесу, в большом шалаше, сложенном из еловых ветвей, партизаны привели для допроса захваченного ими в плен

немецкого офицера. На вопрос, какая задача была поставлена его части, пленный ответил:

— Нас послали поймать генерала Доватора.

— Генерала? — с оживлением переспросил Доватор. — Слышите? — Он подмигнул находившимся в шалаше командирам.

— Да, генерала Доватора, казачьего атамана.

— Атамана?

Доватор был очень доволен. Он вскочил и подбежал к пленному:

— А вы знаете, кто я?

— По знакам различия — вы полковник...

— Я и есть тот самый Доватор, и не вы поймали меня, а я вас!

Пленный онемел. Вероятно, он представлял себе Доватора каким-то чортом, выскакивающим из болота. И вот этот «чорт» стоит перед ним, заложив за спину руки, вздернув плечо, и кричит по-немецки и хохочет.

Немецкие бомбардировщики кружились над лесом, но лес простирался на такое расстояние, был таким дремучим, что нечего было и думать обнаружить в нем Доватора. Немцы швыряли бомбы наобум, как слепые, и бомбы не причиняли никакого вреда.

Все дальше и дальше разносилась по селам весть о том, что много казачьих полков гуляет по лесам и что казаки заодно с партизанами громят немецкие гарнизоны. И крестьяне из тех деревень, где Доватор еще не был, посылали к нему в лес ходоков. Партизаны проводили их к Доватору. Ходоки говорили ему, что у народа нет уже сил терпеть немецкие злодеяния, и от всего крестьянского мира просили послать в их деревню казаков, чтобы вместе немцев прикончить.

Прискакали казаки в одну деревню, а немцев там нет, на улице ребяташки веселые.

— Где фрицы-козявки? — спрашивает командир.

— А их, дяденька, уже прикончила;

— Кто?

— Известно кто — бабы.

— Как?

— Очень даже просто — вилами.

Оказалось, что колхозницы, как только услышали о казаках, сразу же взялись за вилы — и по хатам. Ни один немец не выскочил на улицу.

Километров сто прошел Доватор в тыл немцев, разрушая линии связи, взрывая мосты, громя немецкие автоколонны, истребляя мелкие гарнизоны по селам, а потом его нагнал красноезвездный самолет, сбросивший вымпел с приказом возвращаться назад, и Доватор повернул свои полки.

Немцы давно уже поджидали возвращения казаков. Они соорудили укрепленную полосу: настроили блиндажей и завалов, преграждавших все подходы к фронту. Узнав, что казаки двинулись назад, немецкое командование было совершенно уверено, что теперь-то Доватор будет пойман «в мешок». Но Доватор и на этот раз перехитрил немецких генералов. Он повел свои полки к фронту тем же путем, каким вел их в тыл врага. Такой дерзости немцы никак не ожидали. Они ждали казаков на всех дорогах, но меньше всего там, где казаки уже проходили.

2 сентября вся конная группа Доватора, преследуемая только артиллерийским огнем, проскочила знакомую уже луговину между деревнями Устье и Подвязье и вернулась на исходные позиции.

Доватор велел поварам готовить праздничный обед и по старинному казачьему обычаю обнести всех чаркой водки, особенно же позаботиться о плясунах и гармонистах!

В первых числах октября, когда немцы перешли на Западном фронте в решительное наступление с целью захвата Москвы, коннице Доватора, получившего уже

звание генерал-майора, от стремительных марш-маневров и дерзких налетов пришлось перейти к обороне.

После непродолжительного, но ожесточенного сражения на реке Меже, где казаки сорвали все попытки немцев организовать переправу, Доватор вел сдерживающие бои на шоссе Белый—Ржев, прикрывая отход советских войск на Волоколамск.

Как и в рейде, он действовал смелыми наскоками. Зайдет с фланга, врежется в боевые порядки немцев, сомнет их, быстро отскочит и ударит в другом месте. Так сбивал он темпы немецкого наступления, срывал планомерность его, бесконечно изматывал рвавшегося вперед врага.

Храбро дрались казаки. Но положение на фронте было такое, что отступать все-таки приходилось. Свертывались дивизии Доватора в походные колонны, двигались на новые рубежи, чтобы опять наскочить на немцев с фланга, и вот где-нибудь в деревне встречали казаки своего генерала.

Другой раз, кажется, и нечего ему уже здесь делать—штаб выехал, телефонисты сматывали провода, а он медлит, будто не может решиться покинуть эту русскую, затерянную в лесах деревушку: стоит у околицы в мокрой от дождя бурке, и рядом его коновод Акопян держит на поводу двух рослых коней.

Налетит немецкая авиация. Конники скроются в лесу. Горят хаты, а Доватор все стоит, задумавшись, потом не спеша идет по безлюдной улице, выбирая где посуше, а Акопян ведет за ним коней. Рядом рвутся бомбы, взрывная волна сносит изгородь, мимо которой только что прошел генерал, но он даже не оглянется.

— Эх, хорошо бы молочка выпить! Ведь мы с тобой, Акопян, сегодня еще не обедали.

— Молока нет, а хлеба покушайте. Вот, — говорит Акопян, вытаскивая из кармана припасенную на случай горбушку.

Приезжает кто-нибудь из казаков:

— Товарищ генерал, немцы уже у деревни:

— Пусть дивизия отходит, а мы с Акопяном прикроем ее, — говорит Доватор и смеется. — Правда, Акопян, прикроем?

Акопян, бывший частильщик сапог, полюбившийся Доватору за храбрость и хладнокровие еще во время августовского рейда, отвечает без тени улыбки:

— Прикроем, товарищ генерал!

В конце октября Доватор прочно занял оборону по реке Ламе, от Яропольца до Московского моря. Первая волна немецкого наступления спала. Враг подтягивал силы, готовясь к новому прыжку вперед.

Тут можно бы и передохнуть после тяжких боев, да не в натуре казака отсиживаться в окопах. Посидели в обороне день-другой, отоспались; видят, что немец притих, и заскучали конники, запросили работы. И Доватора словно встряхнул кто-то, словно с плеч упал давящий груз.

Примчится на забрызганной грязью машине в штаб армии:

— Ну что, долго еще прикажете сидеть нам? Казаки-то ведь заскучали уже.

Вернется к своим казакам оживленный, веселый, крутится на коне, точно сырая осенняя земля жаром пышет под ним.

— Куйте, кубанцы, коней, куйте, донцы, карачаевцы! Будет вам нынче всем работёнка!

Любил подзадорить людей, знал, как задеть казака за живое. Вызовет к себе командира полка, бывалого рубаку-кубанца, накинется:

— Козьявки у вас под носом лук едят, картошки навозили целые горы, а вы спите! Не узнаю кубанцев! Забрать нынче ночью все, что немец навозил; не заберете — карачаевцам работку дам.

И кубанцы шли в ночной налет, опустошали немецкие

склады, увозили целые обозы награбленных немцами картошки и лука. Однажды они прихватили и пару подбитых при налете фашистских танков. Тянут их на конной тяге, да вот беда — не могут кони перетянуть танки через речку! Сконфужены казаки. А Доватор уже тут, благодарит, смеется.

— Молодцы, кубанцы! А что танки не вытянуть — не беда: кони все-таки...

Другой эскадрон бывало вернется из налета или засады бесславно побитый. Приезжает Доватор, спрашивает:

— Кубанцы?

— Карачаевцы, товарищ генерал. Все карачаевцы.

— А я уже думал: неужели мои кубанцы с носом остались?..

Хмурятся карачаевцы, молчат.

— В детстве дрались?

— Дрались.

— И не обидно было, когда вам за ворот наложат?

— Конечно, обидно, товарищ генерал.

— Ну вот. Немцы вас, карачаевцев, побили, а вы молчать будете?

И карачаевцы доказывали, что не уступят они ни кубанцам, ни донцам.

Началось второе, ноябрьское, наступление немцев на Москву. На Волоколамском направлении враг делал отчаянные усилия, чтобы прорваться к Истринскому водохранилищу и выйти на ближние подступы к столице. На корпус Доватора, прикрывавший шоссе Волоколамск — Москва, навалилось несколько танковых и пехотных дивизий немцев.

На больших лесных полянах в горящих деревнях казаки зарывались в землю, обкладывались бутылками с горючей жидкостью и гранатами, поджигали один немецкий танк за другим, но из-за леса сквозь дым и копоть двигались новые панцырные колонны. Казалось, нет им конца.

У кого-нибудь дрогнет сердце: Прискачет на командный пункт к Доватору взволнованный, бледный командир:

— Товарищ генерал, разрешите доложить!

Докладывает, что казакам трудно, что навалилось на них очень много немцев, много танков.

— Вот и хорошо, — говорит Доватор, не отрывая глаз от бинокля. — Много — значит, есть кого бить.

Ему докладывают, что держаться все-таки трудно, что фронт очень большой, а казаков мало. Он говорит:

— Один казак на версту останется, а с рубежа не уйдем.

Вклинившись в оборону корпуса, танковые колонны немцев угрожали выходом на шоссе, по которому из Москвы на помощь казакам подходили колонны машин «Т-34», шли мощные «КВ».

— Добрые кони! — говорит Доватор, встречая танкистов.

На село Язвище, где стоял штаб Доватора, двигалось шестнадцать немецких танков, прорвавшихся в глубину обороны корпуса. Против них вышло четыре советских «Т-34». Вдруг на улицу села откуда-то ворвался «КВ». Доватор подскочил к нему на коне.

— Стой! Куда?

— Ищу штаб генерала Доватора, — доложил командир танка.

— Я — Доватор. Чего тебе?

— Приказано выручать.

— Кого выручать?

— Вас, товарищ генерал, и штаб.

— Сами себя выручим, а тебе вот дело есть. Видишь шестнадцать танков? Подбей четыре.

— Есть, товарищ генерал. Приказано подбить четыре.

«КВ» помчался на окраину села. За ним — два всадника в бурках: Доватор и неразлучный с генералом Аكو-

пня. Сильные кони не отстают от машины. Вот «КВ» уже выскочил из села, остановился в поле и с первого же выстрела подбил один из идущих на село немецких танков.

— Видишь, что делает? — закричал Доватор. — Ну и молодец, чорт! Как думаешь, Акопян, подобьет четыре?

— Подобьет, — отвечает немногословный коновод.

Второй снаряд не попал в цель, но третий вознаграждал Доватора: у фашистов была подбита еще одна машина.

Рвутся снаряды немцев. Осколки свистят вокруг Доватора, остановившегося с Акопяном на окраине села.

По улице скачет штабной командир.

— Товарищ генерал, «КВ» и снарядом не пробьешь, а вот вы все-таки не в броне.

— Отвяжись! — кричит генерал. — Не уйду, пока он не подобьет четвертый танк. Попал! Смотри, смотри — горит! Ну и молодец!

Казачьего генерала, покрытого широкой черной буркой, часто можно было увидеть среди танкистов. Он любил поговорить с ними, особенно с теми, которые возвращались из разведки. Этих он никогда не пропускал мимо. На глухом проселке подстережет, чтобы узнать что-нибудь новое о противнике, проверить сведения, добытые конниками.

Разговаривая с танкистами, иной раз вдруг разгорячится:

— Да знаете ли вы, что для меня танк? Понимаете: тут идет немец, а тут ваши танки, тут мои конники. Да мы вместе так его рубанем!..

В конце ноября корпус Доватора был переброшен по зимнему бездорожью на Солнечногорское направление. Казаки встали на пути врага в районе Крюкова. Немцы напрягали последние усилия, чтобы пробиться к

Москве, стремились оттеснить Доватора от магистрали, прорывались в тыл. Количество советских танков на фронте увеличивалось с каждым днем; казаки привыкли уже драться бок о бок с танкистами. И когда, измотав немцев под Крюковым, получили казаки приказ перейти в наступление, целые эскадроны смело пересели с сидел на открытую броню. Кроме положенного бойцам танковых десантов оружия, казаки прихватили с собой и шашки.

— Клинок — он как игла: для него всюду бывают дела, — смеялись казаки, залезая на танки.

Пришла пора веселой работы для конников Доватора, как раз в эти дни получивших за стойкость и доблесть гвардейское знамя. Довелось-таки казакам после тяжких боев, неравных схваток в пешем строю опять, как в августе, погулять на просторе. Корпусу был дан приказ выйти в район Кубинки, чтобы совместно с танковой бригадой отрезать пути отхода противника на Волоколамск и Рузу.

Сто пятьдесят километров прошла казачья конница по проселкам, занесенным глубоким снегом, пока Доватор, торопившийся войти в прорыв, разрешил казакам размяться и согреть ноги. Остановились в лесу, на просеке. Тут бы развести костры да заснуть в снегу, но генерал созвал командиров частей и сказал:

— Вижу, что люди устали и кони устали. Я сам устал. Но, товарищи, не могу дать отдыха ни коням, ни людям, ни самому себе: немцы бегут, а мы должны перерезать им пути-дорожки.

Не прошло и получаса, как по лесу разнеслась команда:

— По коням!

Забушевала метель, заносы задерживали машины. Кони хотя и вязли в снегу, но обгоняли танки. Доватор приказал не ждать танков — догонят! Он с хода сбил прикрытие немцев на северном берегу Москва-реки

между Власово и Марьино и торопился занять село Горбово, чтобы выйти на дорогу, параллельную той, что была запружена отступающими немецкими войсками. Его очень беспокоило, что немцы отступают быстро. Он боялся, что не успеет зайти им в тыл, что проклятые «козьявки» улизнут, что казакам придется потом «висеть на хвосте» противника. Когда ему донесли, что дивизия полковника Плиева, наступавшая на Горбово, обстреляна из деревни Терехово, где укрепился какой-то немецкий батальон, он приказал не обращать на этот батальон никакого внимания, двигаться вперед как можно быстрее.

— Не связываться! И без вас найдется кому дорубить... Тавлиев, слышишь: для твоих казаков работёнка есть в Терехове.

Полковник Тавлиев пошел на Терехово, и немцам стало здесь так жарко, что, бросившись от казаков в лес, они бросали на ходу ранцы, винтовки.

К Доватору примчался самый горячий в корпусе полковник Картавенко, всегда очень обижавшийся, если кто-нибудь, а не он получал работу. Увидев, что наделал Тавлиев, Картавенко страшно взволновался.

— Не горячись, Андрюша,—сказал Доватор.—Глянь на карту. Видишь этот пункт? Стой тут, и работа будет.

Вскоре Плиеву пришлось туго: немцы сильно укрепились в Горбове. Тогда Доватор сам вызвал Картавенко.

— Где мы будем ночевать, где будем ужинать?

— В Горбове, товарищ генерал.

— В Горбове, Андрюша. Я тоже думаю, что обязательно в Горбове. Там и светло и тепло, а тут невозможно: Тавлиев весь лес завалил немецкими трупами. Так что, друг мой, приготовь ужин в Горбове, а я Плиеву скажу, чтоб он не беспокоился: Андрюша не подведет.

Картавенко зашел в тыл Горбова, спешил казаков в лесу, выскочил с ними на зады села и минут через десять сидел уже в теплой хате и писал записку:

«Товарищ генерал-майор, мой командный пункт в Горбове, прошу ужинать. Посылаю к вам двух немецких офицеров. Я с ними разговаривать не умею, а вы умеете».

Получив эту записку, Доватор ответил:

«Спасибо, Андрюша. Поужинать, конечно, хорошо бы, но я забыл тебе сказать, что нужно еще взять Петрово. Там уж и повжинаем. Так что торопись, Андрюша. Слышал я, что немцы тоже хотят ужинать в Петрове».

Картавенко¹ понял, что тут мешкать нельзя, а то упустишь хорошую работу. Он посадил один полк на коней и прискакал в Петрово как раз в самую пору: с другой стороны к селу подходила немецкая автоколонна.

Неожиданно атакованные казаками водители и солдаты охраны, выскочив из машин, бросились по глубокому снегу в лес. До опушки добралось только несколько немцев, остальные были зарублены в поле. В лесу казакам пришлось спешиться, но они все-таки догнали убежавших.

Только закончилось побоище у Петрово, как разведка доставила Доватору перехваченный у противника приказ, из которого явствовало, что попавшие «в мешок» части 78-й немецкой дивизии намереваются на рассвете прорваться к Рвзе. Доватор сейчас же вызвал к себе командира приданной ему танковой бригады подполковника Ермакова:

— Немцам приказано прорваться на рассвете, а я приказываю уничтожить их до рассвета. Кони устали. Бери казаков и сажай их на танки.

Немецкие части, готовившиеся к прорыву кольца окружения, были разгромлены.

Корпус безостановочно продвигался дальше, к тому месту, откуда шли дороги на Волоколамск, Рузу, Кубин-

ку, громя мечущиеся колонны машин и удирающую артиллерию немцев.

В селах Денисиха и Сафониha немцы успели укрепиться. Доватор опять погнал вперед танки с десантами. Только танки ворвались в Денисиху и спешившиеся десантники начали горячий бой, выбивая засевших в домах и блиндажах немцев, как на помощь им явились конники, атаковавшие деревню одновременно с трех сторон.

Спустя два часа после занятия Денисихи приданные корпусу танки выбили немцев и из Сафониhi. Здесь Доватор поймал в ловушку остатки разгромленной им 78-й немецкой дивизии. Отступая из Сафониhi, немцы увидели вдруг заходящих им в тыл казаков. Это были эскадроны Тавлиева. Немцы шарахнулись в сторону и натолкнулись на разворачивавшиеся для атаки эскадроны Плиева. Тогда, поджигая свои машины, взрывая танки и пушки, противник устремился в панике к лесу, но на опушке леса немцев поджидал уже Картавенко.

После боя, закончившегося полным уничтожением 78-й немецкой дивизии, Доватор приехал в Сафониху, собрал крестьян и, показывая на отбитые у немцев повозки с награбленным имуществом, сказал:

— Вот что, граждане: это все ваше, вы и берите себе, а потом займитесь фрицами, которых казаки мои загнали голыми в лес. Эти козявки пляшут там на морозе, но мне некогда возиться с ними. Зачем казакам пашки тупить, если мужики сами управятся с кольями? У казаков впереди еще много работы.

По тридцать километров в день проходил Доватор, преследуя по пятам бегущих от Москвы немцев. Он то и дело выскакивал вперед с коноводом и адъютантом. Казаки говорили танкистам, что их генерала можно встретить у блиндажа, из которого несколько минут назад вели огонь немецкие пулеметчики, что разведчики встречали его вдруг выезжающего из оврага, и он говорил им:

— Опоздали. Мы с Акопяном этот овражек уже разведали.

19 декабря передовые части корпуса подошли к реке Руза. Доватор со своим штабом ехал в голове дивизии полковника Тавлиева. Выскочив на гребень против деревни Палашкино, генерал увидел большую колонну немцев, двигавшихся с артиллерией по шоссе на запад.

— Выйдем им в голову и всех заберем, — сказал он, обращаясь к Тавлиеву и показывая на западную окраину деревни.

Он первым выехал на тот берег Рузы. Вдруг артиллерийский залп противника накрыл центр дивизии. Тавлиев скоординировал: «К пешему бою!» Конноводы пошли на карьере в лес. Доватор спустился со своим штабом под откос, но вскоре опять взбежал наверх. Артиллерия противника задерживала продвижение Тавлиева. Немцы могли ускользнуть. Доватор загорячился. Он послал к Тавлиеву одного из своих штабных командиров, велел передать, чтобы дивизия скорее преодолела открытое пространство.

— Скажи Тавлиеву, что я жду его на правом фланге Палашкина. Я пройду туда через лес.

Открытым полем, проваливаясь по колено в снег, бежит усатый казак.

— Генерал! — кричит он. — Генерал!

И по берегу Рузы от одного казака к другому передается весть о том, что случилось что-то с их генералом, и, не зная еще, в чем дело, но предчувствуя беду, сразу изменялись казаки в лице и бежали к опушке леса открыто, не маскируясь, под ураганным огнем врага.

— Где, где? — кричали они, догоняя впереди бегущего.

— Скорее! Скорее! — кричал тот и показывал на опушку леса.

Опоздали казаки. Не застали в живых своего гене-

рала. Мертвый лежал он на опушке леса. Пулеметная очередь сразила его. Рядом стрелял с колена коновод Акопян. Он был без шапки и рукавиц. Они валялись поодаль, разбросанные по снегу. Глаза Акопяна сверкали дикой яростью. Лицо пылало, как в жару, и по нему лились слезы. Коновод стрелял по сараям, из которых вели огонь немецкие пулеметчики.

Страшные в своем горе, казаки пошли в атаку на Палашкино. В пешем строю окружили они деревню и, молча, с шашками в руках бросились на дома, в которых засели немцы.

А потом по этой самой затихшей улице Акопян провел под уздцы боевого коня, запряженного в широкие русские розвальни, на которых лежал закутанный в бурку прах генерала.

— Жизнь короткая, а слава будет долгая, — повторяли в этот день казаки любимые слова Доватора.